

УДК 929

Я. С. Розенфельд

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Прожиты четыре года войны. Помнится, можно сказать, почти каждый день. Все жили в эти годы напряженной жизнью. Много пережито. Каждый из нас стал за это время морально сильнее: мы прошли такой жизненный опыт, который закаляет силы.

Все мы принимали то или иное участие в войне. Но участие каждого из нас, находившегося в тылу, было более чем скромным.

Что касается меня, то моя работа во время войны может быть выражена в нескольких словах: я вел военно-политическую пропаганду, учебную работу и, по мере возможности, занимался научной работой.

Но если уж делиться воспоминаниями, то, мне кажется, важнее рассказать, как мы росли в морально-политическом отношении. Этот рост сделал наш народ непобедимым. Родина, советский патриотизм были для нас не отвлеченными моральными категориями: мы восприняли их со всей реальностью, они пронизали всю нашу жизнь.

Я остановлюсь на некоторых моментах пережитого в Отечественную войну.

* *
*

22 июня 1941 г. ... Первое ощущение, длившееся весь воскресный день, проведенный в отрыве от Университета, от товарищей, — подавленность. Ощущение надвинувшейся огромной, неотвратимой тяжести, которую нельзя вместить...

Было ясно, что всей жизни до этого дня, всем личным планам и волнениям, перспективам научной работы и издательским возможностям, пришел конец... Прежняя жизнь свертывается... Дальнейшее неизвестно...

Яков Самойлович РОЗЕНФЕЛЬД (1883–1973) был ответственным сотрудником Совета съездов представителей промышленности и торговли с 1908 г. и до конца существования этого важнейшего центра российского монополистического капитала. В 1915–1918 гг. работал в Центральном военно-промышленном комитете. Автор монографий «Промышленная полигика СССР. 1917–1925 гг.» (М., 1926). «Промышленность Соединенных Штатов Америки и война» (1947), «История машиностроения СССР (с первой половины XIX в. до наших дней)» (М., 1961) и др. В 1920-е годы работал в советских плановых органах, преподавал в ряде ленинградских вузов. С 1921 по 1926 г. — ученый секретарь и научный сотрудник Петроградского (Ленинградского) филиала Института экономических исследований. С 1941 г. — первый заведующий кафедрой конкретной экономики Ленинградского университета. Крупнейший специалист по проблемам экономики ленинградской промышленности. В 1949 г., в разгар «борьбы с космополитизмом», был арестован и приговорен к 10 годам лагерей. Реабилитирован в 1955 г.

© Я. С. Розенфельд, 2010

* *
*

Незабываемые первые дни войны в Университете... Всеобщий подъем. Растерянность, которая была в первый день, как рукой сняло. В Университете все бурлило. Во всех аудиториях здания Истфака происходила запись добровольцев. Казалось, никто не хочет оставаться в тылу... Этот и последующие дни коридоры и все помещения Политико-экономического факультета представляли собою нечто вроде призывного пункта. Студенты, уходившие в армию, спешили со сдачей экзаменов. На экзамены приходили с вещевыми мешками.

Студент Моисеенко (теперь студент V курса) положил мешок в угол и сел за стол, чтобы экзаменоваться... Вероятно, никогда еще профессор не испытывал такой родственной близости, такой теплоты к экзаменуемым, как в те дни: нас объединяли думы о Родине. Я сознавал, что, как экзаменатор, я обязан быть как всегда требовательным, но в то же время чувствовал, что будущее моей Родины зависит сейчас от этого молодого человека, который отвечает на вопросы по прослушанному курсу, больше, чем от меня.

Я остаюсь здесь... Надо найти применение своим ограниченным силам. Только не быть в стороне от войны...

Все личное отошло далеко. Родина, война, враг — это владело всем. В Лектории Истфака происходили митинги. Особенно запомнился митинг после выступления товарища Сталина по радио 3 июля 1941 г. Запомнилось выступление одного преподавателя, который заявил, что он уходит на фронт вместе со всей своей семьей. Фамилии не помню (работники Истфака, вероятно, знают, о ком идет речь). Выступали академик Тарле, профессор Полюнов и др. Председательствовал В. В. Мавродин.

Я тогда был еще беспартийным. Пошел в партком Университета. Говорила со мной тов. Юраго (культпроп того времени). Просил направить меня куда-либо на работу, соответствующую моим возможностям. Я был направлен в В.О. райком. Был послан на завод «Красный гвоздильщик». Но там мне не удалось включиться в работу. Весь руководящий состав завода, хозяйственный и партийный, по многу дней не выходил из цехов; не было даже возможности поговорить с кем-либо. Но даже поверхностное наблюдение того, что происходило в те дни на заводе, дало мне большую зарядку.

Меня направили на хлопчатобумажную фабрику им. Желябова. Работал там в редакции фабричной газеты. На фабрике происходил процесс перестройки ассортимента производства в связи с требованиями военного времени. Происходил процесс подготовки смены ушедшим в армию. Девушки обучались новым профессиям. В течение трех недель почти ежедневно бывал на фабрике. Пытался отразить в газете новые процессы, происходившие на производстве.

Одновременно работал несколько времени в редакции газеты «Ленинградская правда». Из редакции в первые дни ушло в армию много сотрудников, и ей нужна была помощь. Редактором тогда был т. Золотухин, бывший ректор Университета.

* *
*

На исходе первого месяца войны я сделал первый политический доклад в какой-то воинской части, в районе Детскосельского вокзала. Этот доклад ничем, кроме душевного подъема и веры в будущее, не был замечателен. Но я его запомнил, потому что он был для меня первым за время войны и добавлю... первым за всю свою жизнь. Никогда ранее не думал, что я способен к массовой политической агитации. И вот этот первый доклад, который я сделал по поручению Дома Красной Армии (теперь — Дом офицера), определил мое место на войне: я сделался постоянным лектором на военно-политические темы. Выступал в воинских частях, на кораблях, на аэродромах, в госпиталях, в В.О. парткабинете.

За время с августа 1941 по февраль 1942 г. я прочел по путевкам В.О. райкома, Дома Красной Армии, Дома ученых около 110 докладов.

В первое время нас, работников Университета, была большая группа в числе лекторов Дома Красной Армии. Помню профессора Мейлаха, доцента Юраго, профессора Рейхардта, доцента Гуткину. Но с течением времени состав группы по разным причинам уменьшался. По случаю 24-й годовщины Красной Армии нам был сделан подарок, и нас, постоянных лекторов, осталось всего 6–7 человек, в том числе от Университета М. И. Юраго и я.

Чем дальше, тем все труднее становилось ходить (трамвая не было), физические силы падали, но поддерживал морально-политический подъем.

Вспоминая сейчас о том времени, прямо удивляешься, чему мы обязаны стойкости, обнаруженной в те месяцы. Задним числом я понял, что опасность в Ленинграде была очень велика. Тем не менее мы были далеки от ощущения страха. Нас поддерживала несокрушимая убежденность в том, что Ленинград выстоит.

Не один раз в середине политического доклада начиналась бомбежка. Доклад прерывался на несколько минут и все переходило в бомбоубежище. Бывало, по окончании доклада тревога еще продолжается. Политком объявляет: бойцы остаются в убежище, а лектор может уйти...

Помню, возвращался поздним вечером с доклада. Горел Народный дом. Еще что-то горело. Луна предательски все освещала. Возвращаюсь по Фонтанке. Вся набережная покрыта битым стеклом. Буханье бомбежки не прекращается. И все же страха не было.

Дистрофия зимы 1941/42 года унесла многих близких и родных. Я потерял самого близкого человека, с которым моя жизнь была связана с 1904 г. Тем не менее и эта потеря не подкосила моих сил. Я не прерывал своей агитационной деятельности в Армии. Бодрость не покидала меня ни на один день, хотя физические силы были на исходе.

Наряду с пропагандистской работой я в ту памятную зиму через день ходил в Университет на лекции. Состав слушателей был небольшой. Более или менее аккуратно приходила студентка Анисимова (теперь ассистент Кагарлицкая). Но от слабости она часто засыпала во время лекции. Приходили Григорьев, Торкановский (теперь — оба ассистенты). Фамилии других не помню, и выжили ли они, не уверен. Вид у них был очень тяжелый.

* *
*

В октябре кольцо вокруг Ленинграда начало смыкаться. В городе стоял неумолчный гул артиллерийской стрельбы. Один из наших преподавателей — А. А. Пальцев, совершенно глухой, на мой вопрос: «Что слышно?» ответил: «Теперь даже я слышу»...

В это время я подал заявление о приеме меня в кандидаты в члены ВКП(б). Мне было тогда 58 лет.

До того я в течение ряда лет сознавал свою идейную близость к партии. Но по разным причинам, не очень веским, больше всего по инерции интеллигентской жизни, я не сделал практических шагов к тому, чтобы организационно связать себя с партией.

Наступившие грозные для Советской страны и моего города дни положили конец всякой инерции.

Стало отчетливо ясно, что в наступивший критический период всей советской жизни советский патриот должен быть в Коммунистической партии большевиков. В ее рядах жить, бороться, а если нужно будет, и умереть. Родина и партия слились в одно. Они нерасторжимы.

Рассмотрение моего заявления отняло много времени. В В.О. райкоме я был принят только 5 января 1942 г.

Началась новая для меня жизнь. Это было второе мое рождение. С того времени вся моя жизнь связана с партией.

Не забуду о преподанном мне уроке на первом партийном собрании, на котором стоял вопрос о принятии меня в кандидаты. Я пришел на собрание с опозданием: задержали хлопоты о приготовлении гроба для умершей от голода бывшей моей жены. Мне было указано, что на партийное собрание ни при каких условиях нельзя опаздывать. Мое дело было снято. Этот урок я запомнил и сделал из него соответствующие выводы: личное должно отступить на задний план перед общественным, перед партийной дисциплиной. Интересы партии — выше всего.

Я люблю Университет. Он и вся его жизнь мне интимно близки. Думаю, что это главным образом потому, что с Университетом связано мое приобщение к партийной жизни. В неизбежные минуты тяжелых переживаний я теперь знаю, для чего я живу. Этому сознанию я обязан партии.

* *
*

Университет эвакуируется в Саратов... Тяжело было уезжать из Ленинграда, который за месяцы войны стал еще более родным и близким. А я живу в Ленинграде с ноября 1905 г. Но не хотелось оторваться от Университета. Мы выехали 3 марта 1942 г. В пути мы были около 15 дней. Соседом по койке был профессор В. М. Штейн, комендантом поезда был профессор М. А. Гуковский. Особенно запомнилось, что на больших станциях в вагоны заходили санитары и врачи и интересовались, нет ли покойников.

По дороге мы подобрали находившуюся на какой-то станции в тяжелом физическом состоянии студентку Анисимову. Нас нагнал эшелон, в котором ехали В. В. Рейхардт с женой. Они перебрались к нам.

В Саратове нас встретил А. А. Вознесенский, который приехал раньше и все приготовил для приема Университета. Местные власти оказали нам большое внимание.

Бытовые условия нашего общежития (бывшая гостиница «Россия») были тяжелые. Но после ленинградской зимы нам все казалось сносным.

Надо было включиться в учебу. Все стосковались по научной работе. Надо было организовать собственный быт.

С 1 апреля возобновились учебные занятия. Они происходили в помещении Саратовского университета.

Наши две семьи, моя и В. В. Рейхардта, помешались в одной комнате. Тут же помещался деканат.

На меня было возложено руководство выпуском газеты «Ленинградский университет». Этим делом я занимался в течение 18 месяцев. В условиях эвакуации роль газеты была значительна. Она должна была мобилизовать общественность Университета на упорядочение нашего быта и в то же время бороться с возникавшими настроениями уходить целиком в заботы о быте. Газета уделяла много внимания ознакомлению товарищей с производившейся научной работой.

Сегодня трудно себе представить, как можно было работать в тех условиях. Кроме тесноты, «россияне» страдали от холода. Не было воды. Часто не бывало света. Места общего пользования... о них лучше не говорить. Тем не менее почти все вели научную работу. Само собою разумеется, это можно было делать только в меру тех книжных ресурсов, которые были в саратовских библиотеках.

Происходила защита диссертаций, привлекавшая к себе внимание всей «России». Хорошо помню блестящую защиту диссертации Р. Л. Золотницкой.

В общей рабочей комнате происходила борьба за место около керосиновой лампы. В погоне за светом мы уходили в парткабинет горкома. Но туда же приходили и местные жители и не всегда можно было получить место. В библиотеках города мы сделались своими людьми, и весьма неугомонными.

Праздником для нашей газеты были выдержки из писем, поступавших из Ленинграда. Мы бережно относились ко всякому документу, сообщавшему о товарищах, погибших на фронтах. Очень жаль, что Саратовская газета не сохранилась. Она дала бы сейчас много для истории Университета в период эвакуации.

Связь с Ленинградом была слаба. Мы не имели газеты «Ленинградская Правда»... Иногда до нас доходили стихи Ольги Берггольц, статьи Тихонова.

* *
*

Помимо общественной работы я вскоре по приезде в Саратов принялся за научную работу, которую вел в двух направлениях: по истории русской промышленности в XIX в. и по исследованию процессов промышленной жизни в условиях Отечественной войны. Последние я изучал на некоторых заводах Наркомата вооружения и боеприпасов. Результатом этого исследования была небольшая книжка, вышедшая в Саратове в 1943 г. под названием «Промышленность и Отечественная война», 71 стр., а также помещенная в «Ученых Записках» Университета за 1944 г. статья под названием «Из опыта организации производства в военной промышленности СССР», стр. 204–237.

В Саратове я продолжал вести постоянную пропагандистскую работу в воинских частях, на заводах, в госпиталях. Я, как и другие наши лекторы, получали постоянные наряды от Саратовского горкома, от Кировского и Фрунзенского райкомов г. Саратова, от местного Дома Красной Армии. Во Фрунзенском райкоме я руководил коллективом лекторов. Сколько было прочитано докладов в Саратове — не помню.

В частности, по требованию некоторых специальных воинских частей я должен был прочитать ряд лекций о военной промышленности США, в особенности об авиационной. В условиях Саратова было довольно трудно получить информацию об американских авиационных заводах. Однако я использовал все, что попадало в Саратовскую техническую библиотеку.

Помимо военно-пропагандистской работы я участвовал в организованной А. А. Вознесенским в Саратове антифашистской ассоциации ученых, а также принимал участие в попытке Университета организовать научную работу наших ученых (в особенности с экспериментальных факультетов) по вопросам перспектив Народного Хозяйства Саратовской области. Но эта попытка, насколько помнится, дала не особенно много. Только профессор С. С. Кузнецов прочно связал себя с геологическими исследованиями в Саратовской области. Насколько помнится, профессор Правдин вплотную занялся рядом работ по рыболовству. О других работах я не помню. Знаю, что консультировали по вопросам военной промышленности Саратова профессор Фихтенгольц, профессор Жуков, профессор Броун, доцент Бушмакин и др.

* *
*

Весьма любопытной была реакция нас, ленинградцев, на бомбежку, происходившую в Саратове, кажется, в 1943 г. Бомбежка производилась в одно время с немецкой педантичностью ежевечерне: она начиналась около 11 ч вечера и кончалась в 2 ч ночи. Немецкие бомбардировщики прилетали из Сталина. Налеты причинили огромный ущерб. Однако, в отличие от Ленинграда, в Саратове не было бомбоубежищ — по крайней мере мы о них не знали. Были только щели. Среди местного населения налеты вызывали большое

возбуждение. Но граждане «России» отнеслись к ним с поразительным спокойствием. В первое время еще выходили из комнат, чтобы посмотреть в окна, выходявшие на улицу, а потом перестали: многие ложились спать, не дожидаясь отбоя тревоги.

* *
*

Большое место в нашей жизни в Саратове занимали радиопередачи. В дни Сталинграда в «России» еще не было репродуктора. Некоторые из нас (помню профессора Штейна, профессора Некраша) аккуратно выходили в 6 ч утра к уличному репродуктору. Потом у нас появились репродукторы в комнатах. «Военным штабом» мы в шутку назвали комнату семьи Рифтиных. Часам к 11 вечера начинался сбор у покойного Рифтина (для нас всех, «саратовцев», вечно живого, остроумного, веселого, хорошего друга и товарища). Официально в его комнате жили он и его семья. Фактически это был клуб, открытый для всех до поздней ночи. Сюда приходили слушать ночную сводку. Нас не смущало, если А. П. иногда не бывало дома. Завсегдатаями на разборе сводки бывали профессора Курбатов, Жуков, Финтенгольц, М. А. Гуковский, Эйхенбаум, Серебряков, Бялый, Штейн и др. Само собою разумеется, что мест на... кроватях и на стоявшей в комнате скамейке для всех не хватало. Это не мешало нам подвергать сводку подробному разбору и ...«намечать» следующие операции на фронте, т. е. попыткам предугадать их... Многие теперь кажется смешным. Но таких «стратегов», как у нас на 4-м этаже саратовской «России», было, вероятно, немало во всей стране. Все были готовы «подсказывать» операции, а на следующий день убеждались, что фронт выбрал другие пути...

Все жили одним — фронтом.

* *
*

Прорыв блокады... Это было пережито еще в Саратове. Продолжать жить в Саратове становилось уж невтерпеж. А. А. Вознесенский был в Ленинграде и по возвращении сделал нам сообщение. Надо было видеть, что делалось на улицах, примыкавших к зданию парткабинета Саратовского горкома, где был назначен доклад А. А. о Ленинграде. Преподаватели и студенты двинулись на приступ здания, стремясь попасть и услышать живое слово о живом Ленинграде. В эвакуации особенно почувствовалось, до чего ленинградцы любят свой Ленинград ...

* *
*

125-летний юбилей Университета... Общую радость вызвала передача из Москвы о присвоении Университету и ряду его работников Ордена Ленина и других орденов.

Торжественно праздновали юбилей Университета. На меня было возложено устройство выставки в помещении Саратовского оперного театра.

Часть выставки мы привезли из Саратова в Ленинград. Профессору М. А. Гуковскому пришла удачная мысль устроить декорацию, на которой был нарисован фасад Главного здания Университета, выходящий на Менделеевскую линию. Можно себе представить волнение работников Университета, собравшихся в Саратовском театре и перенесенных художником в Ленинград на Менделеевскую линию....

* *
*

Отъезд из Саратова... В мае 1944 г. с первым поездом, отправлявшимся в Ленинград, мы — первая партия — выехали домой.

Подъезжая к Ленинграду, мы уже по пути видели следы немецких разрушений — «зоны пустыни» на бывших станциях.

Возвращались с вокзала по пустынным улицам. Как был великолепен город в белую ночь!.. Мы вновь у себя...

В первую же ночь мы услышали гул артиллерии с Карельского перешейка...

Война продолжается. В Университете начались восстановительные работы. Совмещение профессий — это сделалось главной «специальностью» ленинградцев, в том числе и работников Университета.

Мы, лекторы-пропагандисты, включились в работу Дома Партактива Ленинградского горкома.

Начался учебный год — в Ленинграде, в стенах родного Университета.

Юбилейная научная сессия 20 ноября — 8 декабря 1944 г. 216 докладов.

Взятие Берлина... Митинг в Актовом зале после полуночи. Конец войны с Германией... Митинг на улице. Речи с балкона на Менделеевской. Выступали А. А. Вознесенский, Р. С. Мнухина, Л. С. Берг и др.

Война с Германией кончилась...

Мы вышли из войны с новыми силами. Тяжелые испытания преобразили весь народ, преобразили и каждого из нас.

Главное, что мы вынесли из Отечественной войны: Советскую гордость, советский патриотизм.

Мы, старшее поколение, счастливы, что дожили до наших дней.

Handwritten signature in black ink, followed by the date 1/5/11.